

G

Роман Хонет

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА. ПОЛЬША

МЕССА ЛЯДЗИНСКОГО

Роман Хонет

Месса Лядзинского

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051557

*Месса Лядзинского:
ISBN 978-5-91627-158-4*

Аннотация

Допустим: поэзия Хонета – это поэзия против «непоэзии», против языка неокрыленного, держащегося речи, навыка или себя самого; языка – так или иначе – стреноженного, питающегося недостатком веры в себя, без которой не высказать невыражаемое, не высказать очевидное и не выразить одновременно опыт и личность (Петр Сливинский).

Если поиграть в сравнения, то Хонет – это Босх сегодняшнего дня, только ад его графичен и подчеркнуто персонален. При этом он нуждается в собеседнике по ту сторону провода или волны. В пространстве его голоса мы балансируем на ницшевской грани: когда ты смотришь в бездну, она тоже смотрит в тебя, своей изысканно детализированной брутальностью провоцируя пароксизмы нежности.

Содержание

Моим был мир	4
Зимняя уборка	4
Поэтому ничего	5
Лилия	6
Ковы	7
Разговор продолжается	8
Глянец	17
Сон о голове под жидким небом	18
Исповедующий отворачивается	19
Ожидающий вдовцов отворачивается	20
Инструменты времени	21
Красный хлеб	22
Те с нами	23
Танцы с коровами	25
Пейзаж в июне	26
Смерть и птицы	27
Пригоршня соли	28
Инспектор урновых полей	30
Вступление висельника в рыбу	31
Лазарь летающий	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Роман Хонет

Месса Лядзинского

Моим был мир

Зимняя уборка

мертвый есть тело, в которое бог
заходит подремать. его окружает
морозная ночь декабря, одевает
поезд, стоящий в поле, женщины
с фонариками на лбу – юркие
квадраты из латуни и стекла, трясущиеся,
словно у них внутри лежат семена
или стрекозы. сквозь мрак
разом проявляются – молитва и вой, диаконы
из семинарии несут респиратор
и библию. и тарелку, и ложку,
и губку. им все еще невдомек – мертвый есть тело,
которое уже чисто. за богом убирает
земля, ее тема

Поэтому ничего

позже пришла пора досвиданий.
поезд, красные огоньки в последнем вагоне,
вольфрам в отдаляющихся глазах,
мешки листвы вдоль аллеи,
может, фигуры из вздохов и беглых вод. может:
значит, не было. не в тот раз

как раз тогда начиналось время,
бежавшее для всех, кроме
тебя. и было ничто – оно было сложнее,
происходя от даровитых богов, которым по плечу
творить ничтожное и учить
ходить, чтобы само ело

навоз и банки, лежащие на разогретой соломе
подворотен, метеоритные ливни
ночного видения, в ту пору, в лёте пойманных
псов – то, что мы освоили,
что нам казалось

Лилия

куда-то делись мужчины из арок,
со стройплощадок, блеск руки
в ночном автобусе, тянущие
чемоданы на колесиках гости.
колкий ветер. туннелем под серыми блоками
вновь влачится обвитая цепью голова,
в ней пепел, муар. жили во времена,
созданные ни для чего – роились над нами
ангары пустоты. а любовь
с лилией параолимпиады в тылу,
любовь и ее зверье, бешено и покорно – не существовали,
так что лишь немногие видели их,
прочих нечем утешить

Ковы

женщина, когда с ней прощаешься,
и смерть, когда тебя принимает,
говорят одно и то же – тебе пора

над погруженным в тишину городом
и всеми детьми в этом городе, ночью становящимися
стремниной лиц и голосов, только закованных в хрусталь,
лед

с утоптанного снега вдруг маятник птицы —
твоя былая тень

до появления тела

и комья земли, принявшей их

Разговор продолжается

появляешься там, где была
в моих глазах – повсюду.
отступившая от меня вчера,
сегодня близка по-прежнему

словно уснула в токе крови моей,
чтоб не знал ночей без тебя

*

пятнадцать лет я не засыпал,
чтоб не знать ночей без тебя

пятнадцать лет я не засыпал,
лишь бы на миг ты уснула

*

словно бы не коротал я своих ночей,

подступавших к водке, текущей меж
времен, прошедшего и ненастоящего,
запутывая и отодвигая всё

кроме памяти

*

читай мне:

боль – сервисная книжка. читай:

тело – проводник по тени

*

не дождалась своего дня рождения,
маячащей в блике стробоскопа зимы, когда мчащиеся
поезда превращались бы в голубой пламень
в кустах надгнутой рекой

*

не ожидай меня,
мы одни – приглушенный зов
с того берега, но снег ли это,
или твое тело посмертно вернулось,
не встав на якорь, не знаю

снег всегда датирован

*

а то летел бы на зимнее поле,
на акустические экраны автобанов, и ты бежала бы
рядом,
заиндевшая в колоколах и лентах —
искра – сестра звезды

*

ты была моей кратко и просто. колли,
поднимающий облако кирпичной пыли,
ангел, несущий ягодку клюквы:

вот сколько тебя,
а ведь еще целый месяц

*

все это когда-то уже случилось.
всему этому суждено случаться вечно

*

бляди везли меня на вилах погрузчика
сквозь лужи машинного масла на опустевших фабриках,
сквозь электроалтари над продовольственной лавкой,
наготой воскресного захолюстья,

где побежали в парк девочка и собака,
зимним вечером, давно

жить
я приехал

*

шепчу

шепот напоминает ужа
только вертикален

*

именно шепот о времени,
когда были платформы в алом блеске заката,
дети в фарфоровых сорочках, сдвигающие фонари,
стаями; когда звучал окрик

– мороз! —//

и ласковая усмешка по поводу мороза
юной женщины, ее прищуривание:
время, когда любовь превзошла все
на свете

теперь нет света

*

той,
которая тогда усмехалась,

уже тоже нету

*

читай мне еще:

*суккуб – это одноклассница, повтори:
прошлое – дни, которые еще длятся.
осмотришь*

*

иногда так хочется получить тебя еще раз:
тот же состав
тех же самых генов

словно не было.
не прошли годы

*

иногда еще так хочется попробовать

той пищи, пылицы,
спадающей на открытые плечи, //

но не осталось даже тени яств,
даже пыли

*

много нового – гелиевая мошкара,
свежий пропан-бутан для кремации,
светомузыка на надгробьях

столько наработано
по ведомству сна, пламени,
хотя паразиты
остаются формой огня

*

*ты же будешь стариться в мегаполисах,
музеях и читальнях, над которыми взойдет
заря новой печати и монтажа (столь тонкие вещи
много наработали, соревнуясь)*

такого не будет

*

будет: другие жены
развозят саночки. другие жены шепчут:
тихо, лес

*

(а то и пройду мимо твоего дома, а то и
пойду в парк вдоль реки, набрав себе
хлеба для уток, застывающих
на воде каплями воска)

*

итак: все время кажется,
что снова встретимся,
что еще свижусь – вечером
возле часовенки *храни нас господь*, хранимой

ветвями в опоке

*

мои руки, покрупневшие,
наверно не отвечали бы твоему
лицу

наверно отвыкли,
однако не масштаб шкал
и не привычка, но длительность тишины
удостоверяет разлуку

*

итак:
прерванное было всего-навсего жизнью.
разговор продолжается

Глянец

монастырь в словацком местечке зимой,
где спали знатоки энтропии, туман,
незадолго до сумерек снявшийся
с болот и полей,
просвечивал сон их как белые клеммы. мужчина
в свитере с начесом, прибившийся к нам
с невысказанным изумлением
или просьбой. словно жаждал
щипнуть хоть малую из струн
собственной крови,
призвать – любовь, мейн талмуд.
или уж никогда не поминать жалоб:

этот глянец – кожа,
им оплевал меня мир

Сон о голове под жидким небом

пацаны из малогабаритного автобуса,
они бегут с мачете, чтобы проредить город,
а девушка выходит из подземного зала,
доверив отцу арфу из папиллярных линий. две тени
оставляющие трансвеститы: свою
и своего предыдущего воплощения,
тот, кто дышит в машине скорой, мягко
и медленно – будто бы брел в хлебах,
постукивая в окна. ночь,
в которой глаза видели далеко
и глядели бы дольше – если бы не концерты,
под патронажем животных, старцы,
согнанные в тренировочные казармы —
если бы они огляделись в этой самой реке
пламени или чутья, в этой самой
голове незрячей, но крепкой

Исповедующий отворачивается

Радославу Раку

лето сдурело от зноя – начинает, как бы шепча литанию. кирие, кирие элейсон. – дни шли широки и раздуты, как бы изнутри их разносило светом. ты стряхивала с плеч сухие травинки и стебельки, одевалась, а я собирал их, на ощупь они напоминали папиросы. вечером, встав на колени, клал их по очереди на язык как облатки. были горьковаты на вкус. ночи забежали украдкой, на мгновение, а садом текли реки из дымящегося стекла и пес облитый бензином светил нам ко сну. мы не заснули ни разу.

так помню

Ожидающий вдовцов отворачивается

видел, как возвращались. что ни
год. шли будто в армию, будто прежде,
сквозь зимние поселки – снова
были в школе: пахло мастикой для полов,
сортирами. вызванные тишиной
или знакомым голосом. я ждал
этого всегда. подозревал,
что под конец они станут
как прежде – когда умрет она.
та, что забрала их
и задержала в задумчивости.

любовь

Инструменты времени

год, когда ты устала рано. и год,
когда стала раной, в собачьей
сцепке, упряжка, тягающая в гондоле
бога с метлой для керлинга

или звезду породы:
дивных долгожителей. женщины
как квадратные овцы, лежащие
у колодца: сон

друзья-товарищи – вряд ли,
никто не задержался. и тело —
бубен из альвеол и мышц,
в него били мертвые, влекомые кровью

и там, куда ударяли,
он съеживался. сделался эхом

и, значит, он всюду

Красный хлеб

когда вечером легким, смердящим,
когда к парку мы бежали в ночное. в туман
выходил незрячий, грыз его и рвал,
чтобы стал парашютом. бестия в человеческой коже,
обшитой ветошью с золотых уступов,
страдала перед нами
в тот самый тающий час,
как будто бы опустело ее корыто,
и полагалось
выжирать сердцевину —
свою бритву, свой красный хлеб

Те с нами

вон та фигура на вершине горы,
ее принимают за звезду, хотя у нее
есть тень – как у людей с лицами
из золотой бумаги в пожаре
во время ограбления лабаза или затмения солнца

– то камень, служащий гор

вон тот изъятый из матки неживой плод —
лист, который сворачивает дерево набок,
и погремушки на тесемках, коляска
или глаза и руки, хватающиеся
за замороженный ободок на экране доплерографа

– то данники родильных покоев

вон те, шепчущие: я ординатор боли,
копая в земле ямы, чтобы в них разместиться
под паранджой фольги для защиты
от ливней, от сального прикосновения
щупалец хаммама

*– то инопланетяне – это
люди с достатком*

а мертвые?

– *мертвые, те с нами*

Танцы с коровами

тела, с которыми я гонял мяч,
запрыгивал в сумеречную реку
и целовал ножи на белых карьерах,
они вынюхали, нашли меня

вышли голые из земли
и бегут ко мне по лугам, танцуя с коровами,
и у каждого на шее пес
как шаль. как шаль

ночь откроет карты,
кем я уже был. кем мы были
вместе – призовет души,
взрезанные морозным галуном молнии

компоненты снега: шум и контракция,
салют на приятие умершего/
умершей – я ждал его, плача.
твоим глазом был

Пейзаж в июне

городу не любви похороны,
трупы, парящие на копченых петлях среди блочных
склепов. юная
женщина в ювелирном ряду. голубками с
облатки в ней млеют сперматозоиды,
и строй наступающих лет – ее:
вчерашняя ночь. взгляд скользит по урне,
не треснула ли – следы от пальцев как гвозди,
вращающиеся в раскаленном эфире,
где станут тропками
и побегут по лугам, по головам
девушек, играющих на гитарах, по скверам,
белым ветвям, по мне

ничего

Смерть и птицы

обугленные зимородки в тени, на крыше,
ивовые ветви нависли над ними.
в перьях кустистый дым, пронзает насквозь
управляющие крылами мышцы

и голову – подсвеченный боулинг
на сидящих на мели галеонах.
умершая ползет в дым,

уминает его в кольца, выкликая резко из сумрака
каждое из прежних имен наших
с ней, в любом из мест тишь

до краев. я бежала
там – указывает – нить железобетонной пряжи,
увязывает – репы в трубах
калофилтрации —

моим был мир

Пригоршня соли

*мир здорово похорошел – к примеру, у нас теперь
много красивых офисов
Лори Андерсон*

городок лежащий среди холмов,
твои вечера и зимы: впереди у нас – вечность.
твое кладбище. там мы вертели дырки в земле
и сыпали соль, чтоб умершие
могли приготовить пищу
и растопить лед

(на льду мертвые говорят оскальзываются,
кухня же мертвых пуста без соли)

*(я не уверена,
что когда-либо понимала, что это значит.
это увлекает. чего-то не было, а после есть)*

живу той зимой,
для меня те дни еще длятся. шампанское
и серебряные дети в мороз, когда они
звали, сбитые на бегу: где обозный, где капо,
где твое королевство,
каменюка?

(люблю выдумывать новое.

*казалось бы, все-то мы уже знаем, но это вовсе не так.
общалась тут с собачьей тренершей)*

каменюка, ты – в камнях,
мой стылый шепот, когда говорю – там,

в известняке, на медных подушках,
в парках, где лампы гудят как кислотные прииски,
в палисаде при том-то доме,
над теми-то озерами – спи,

спи

*(сейчас я располагаю одними лишь словами.
это меня весьма занимает)*

да будет хватать тебе соли

Инспектор урновых полей

преследуя женщину, минуешь
мосты над горными реками, склады
для садоводов, где на витринах
в декабре пляшет кровь вишни. будто судно,
святыни перевозящее в жидкой форме,
бьющую по губам водку. как будто
оседлал кость и выгрызаешь
в воздухе ее импульс
и кривизну. настигнешь мертвую,
и всё минует тебя. твой ген – оплошность
грибницы – и он подвиснет,
а той бодрящейся земле – большой,
грязной земле не больно

Вступление висельника в рыбу

вместо камня – аквариум, красная
бойцовая рыбка и отражения
глаз или губ тех женщин,
что поспели его утешить,

позже у него выросли жабры
и он стал рыбой. трава шелестела,
сверчки клубились – пришел сюда
пьяный: он славил отказ от плоти

ради личного попечения над
сном и любовью. лет двадцать тому назад
*(родившиеся без него уже умерли,
родившихся после него уже четвертовали),*

покачиваясь на ногах, размахивая руками,
как если бы отрекался
от этой воды в этой плите,
отрицался ворубления

Лазарь летающий

среди проводов, спящих на штабелях
в хранилище угля, на пересекающем лес
полотне узкоколейки – должно быть,
там. (еще блуждают там мертвые,
а у них вечно было больше имен,
чем могли унести, чем мы могли
им дать.) переводя дух от земли,
вечно с ней расплюешься. умет лежит
на полях, покрытых старником —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.